

Этого редкого зверя я видел один-единственный раз в жизни. При довольно необычных обстоятельствах.

Есть у меня в Благовещенске друг, художник и фотограф, известный в городе по кличке Карась. Стареющий тусовщик в неизменной джинсе, он, сколько я помню, перебивался с халтуры на халтуру, приторговывал «пластами» и в художественной своей карьере недалеко ушел, хотя, по отзывам людей компетентных, был зверски талантлив. И не лень была тому виной, и не водка (он практически не пил), все перешибала одна всепоглощающая страсть — природа. Любил он реку и лес, да прямо глупо как-то, помальчишески. А ведь уже под сорок было мужику, семья, двое детей...

Он мог плюнуть на выгодный заказ и махнуть с подвернувшимися геологами на Зейское море, а когда подходила пора нереста или сезон сбора лимонника, вообще пропадал на реке и в лесу неделями. В общем, семья питалась в основном грибами в самых разных видах да сушеной рыбой, а драгоценный папочка почти все деньги, какие удавалось заработать, всаживал в охотничье и рыбацкое снаряжение. Четыре ружья у него стояло в сварном сейфе, в лодочном сарае на берегу Зеи ожидала своего часа дюралева лодка, мотоцикл имелся, нещадно побитый на лесных проселках, а помимо этого еще грома всякого барахла! Одних удочек и спиннингов — штук двадцать, да ведь не дешевые брал... А еще — палатки, спальники, обмундирование летнее, осеннее, зимнее, сети, вентеря и прочее, и прочее.

И вот, помню, как-то он в очередной раз исчез. Нигде не объявляется. Зайдешь, в двери постучишь, а жена, не открывая, в сердцах: «Да за птичками опять уехал ваш Карась! Вернется, я на развод подам!»

Н-да, все ясно с этой семейкой. Где-то через неделю пошел я опять проверить — не вернулся ли. И уже на подходе к его дому, а жил он в двухэтажном бараке с печным отоплением, вижу — сидит у дома на лавочке Карась в своей неизменной драной джинсе, с отрешенным видом смолит самокрутку, а рядом с ним стоит объемистая такая железная клетка. И мечется в ней какой-то зверь ростом с небольшую собаку, но с характерной чисто кошачьей мордой. Окрас какой-то буровато-полосатый, на ушах кисточки. Я подошел ближе и разглядел на крупных передних лапах зверя остатки грязных бинтов. Он зашипел, прижав уши и вжимаясь в угол клетки. На меня с неукротимой ледяной яростью смотрели его глаза. С такой звериной первобытной яростью, что я поостерегся подходить ближе. На полу клетки валялась смятая, полусъеденная тушка голубя. Мы поздоровались.

— Ты где это рысенка поймал? — спросил я, присаживаясь от клетки подальше.

— А это не рысь! — он встряхнул длинными волосами и глянул на меня с неким странным удивлением. — Я сам так поначалу думал, а старики говорят, что это дикий кот! Ты понял, какие дела? Двадцать лет по лесам хожу, всю зейскую пойму облазил, и хоть бы раз увидеть! Ничего, кроме следов! А этот...

Он ткнул толстым, измазанным краской пальцем в клетку, и зверь, не сводя с нас круглых нена-

видящих глаз, разразился воплем, в котором было столько же кошачьего, сколько в пожарной сирене.

— А этот вот, — Карась пыхнул пряным конопляным дымком, — этот сам меня нашел, сам в клетку врехался! Видать, где-то попал он в капкан, пока вырывался, искалечился, оголодал, увидел в сетке птичку — и на нее! А сеточка-то у меня крепкая, из нее не вырвешься! Утром с Матвейчем пошли по грибы, думаю, дай проверю, мож, кто врехался, мне, понимаешь ли, один богатый мен заказал сову и сокола. Зачем они ему — не знаю. И вот вместо совы поймали мы, значит, дикого кота!

Он хохотнул своим характерным горловым смешком.

— Где поймал-то?

— Да на Сретенке же!

Сретенкой называлась полузаброшенная деревня вверх по Зее, там даже речные трамвайчики причаливали раз в неделю, привозя упрямым старикам-пенсионерам, не желающим покидать свои жилища, почту и пенсию, ну а вместе с пенсией — хлеб, соль, табак и прочее.

И там, на Сретенке, я знал, у знакомых стариков, таких же лесных отшельников, держал Карась свою «плантацию». Пить-то он, как я упоминал, почти не пил, а вот анашой не брезговал. И старики его покрывали, потому что как в деревне без молодого мужика? Карась же хоть разок в месяц, но навещался к ним, и пустым не ездил: то пачек сто «Примы» с собой тащит, то керосина бачок (от электричества деревню давным-давно отключили), так что он там был вполне свой, надежа, так сказать, и опора.

— И что ты с ним делать будешь?

— Да не знаю пока! — он снова встряхнул волосами и провел по ним ладонью. — Может, в зоопарк какой отдам. Пусть пока подлечится, отдохнет. Ему капканом здорово покалечило передние лапы. Ходить не мог. Еще и сейчас хромает, видишь?

Ничего я не видел. Зверь вжался в угол клетки и все шипел, прижав уши.

— Если б не мы с Матвейчем, он бы пропал, наверное, — задумчиво продолжил Карась. — Как охотиться с такими ногами? Да, пропал бы. Наверное, и сам это почуял, потому что в руки дался легко, поскалился, правда, поугрожал, мол, смотрите мне!

Карась хохотнул:

— Удивительное дело! Когда я ему лапы стрептоцидом обрабатывал, он даже примолк, будто точно понимал, что ему добра хотят. А сейчас малость ожил и боится. Ночами орет, уже соседи ругаются!

— Прогремишь ты теперь, Костя, в узких кругах! — протянул я задумчиво, и он хмыкнул, утвердительно тряхнув своей гривой.

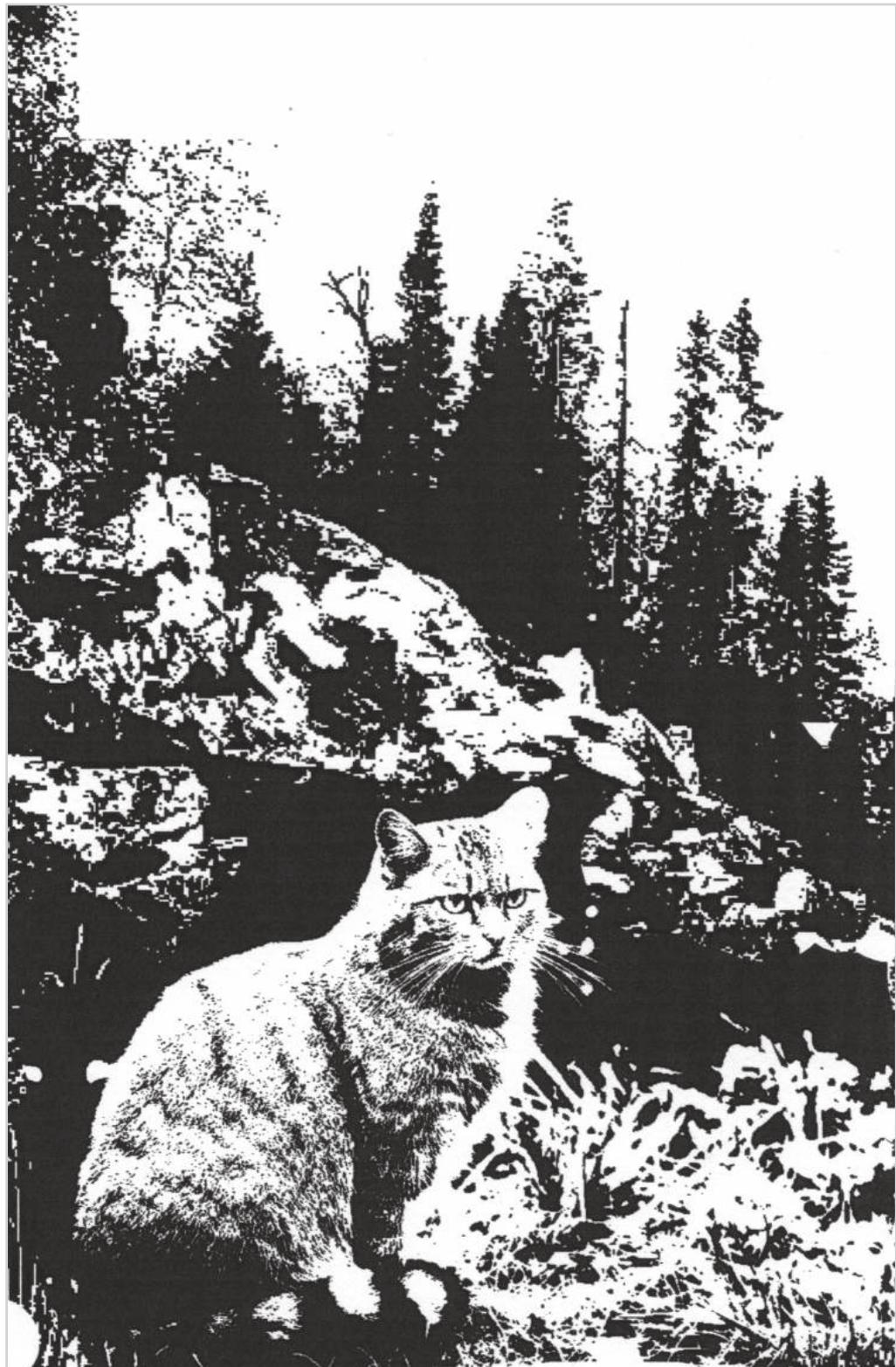
— Да уже подходили тут мужики! Интересовались — что да как? Все знают, что он есть, но редко кто видел, а чтоб кто застрелил или вот так поймал, как тигра, таких вообще нету!

Он еще что-то бурчал, похохатывая, а я разглядывал этого редкого осторожного хищника, младшего, так сказать, брата тигра и рыси.

Эндемик Дальнего Востока, дикий лесной кот водится только в Амурской области, Хабаровском крае и Приморье. Излюбленное место обитания — долины рек, речные острова, где в густых зарослях сам черт ногу сломит. Ловит птиц, но не побрезгует и зайцем, кабаргой, небольшой козой. И, конечно же, как все кошки, любит рыбу. Внешне действительно похож на маленькую рысь, окрас почти такой же, только туловище более прогонистое да шуба не такая богатая. Зверь ночной, крайне осторожный и редкий. Хотя сколько их вообще — никто никогда не считал. Это же не тигр, не соболь.

На пригородных дачах в районе Благовещенска и под Хабаровском отмечались случаи, когда дикарь «отоваривал» домашних кошечек, отпущенных хозяевами на прогулку или попросту сбежавших на вольные лесные хлеба за романтикой и запахом тайги. Это само по себе интересно, потому что, как правило, дикари своих одомашненных собратьев ненавидят люто. Примерно, как волк собаку. А тут получается совершенно полудикое, скорее даже, абсолютно дикое потомство, которое приручению не поддается. Но если такой зверина поселится в районе дачного участка, то никаких проблем ни с птицами, ни с бурундуками, которые так любят «грабить» плодовые деревья, особенно вишню, у вас не будет. Всех передавит!

Вот так, почти в центре города Благовещенска, у барака, где проживал непутевый художник и большой любитель лесной жизни по кличке Карась, завелся этот редкий зверь, которого видели считанные люди даже из охотников.

Кот в силу своей необычности, непохожести моментально сделался популярен. К нему уже экскурсии приходили из соседнего детского сада! Вот характерная сцена того месяца — посиживает себе Карась на лавочке, насмешливо переживая свалившуюся славу, и орет на ребятню из окрестных домов:

— Ну куда вы лезете, короеды! Он же вам руки поотрывает! Близо к клетке не подходить!

— Дядь Костя! — тянет кто-то просительно и несмело. — Мы ему поесть принесли...

— Что принесли? — встряхивает гривой Карась.

— Тут котлеты, колбаски немножко...

— Так, котлеты и колбасу мне, я их проверю, а то еще отравите зверя. Я вам что говорил? Тащите ему голубей, воробьев!

— А крысу можно?

— Крысу можно! Только свежую, а не вчерашнюю! Потому что он мясо с кровью любит. Это хищник, хищник! Понятно вам?

От такой богатой жизни зверь быстро поправился. Округлились опавшие обручи ребер, и даже шерсть на нем залоснилась. Быстро зажили лапы, что значит — зверь, что значит — естественный отбор! И на присутствие людей он теперь реагировал спокойней. Не орал как оглашенный, вжимаясь в угол, а лишь шипел, катая в горле предостерегающий рык и прижимая уши к голове.

Кончилась эта история трагикомически. Как-то прихожу к Карасю, смотрю — клетка

стоит пустая. Куда зверь делся? Переमेжая смех матом, он мне рассказал то, что ему, в свою очередь, рассказала соседка, воочию наблюдавшая сцену.

В общем, было так. Замок на клетке висел лишь для видимости. Карась его поначалу заперил, а потом надоело, да и здраво рассудить, кто, если он в уме, сунется к хищнику? Его и собаки облаивали издалека! А тут по сумеркам шел куда-то через двор пьяный мужик. Ну и видит: кошка в клетке. Что это за кошка, он с пьяных глаз, видать, не разглядел. И обуяла его жалость. Присел мужик перед клеткой и со словами: «Ах ты, бедная киска, и тебя заперли менты поганые», — вот именно с этими словами вынул он замок и распахнул клетку. «У-а-ау!» — сказала киска и, ударом лапы располозовав мужику щеку до кости, стремительно кинулась прочь через местный стадиончик, где в ту пору выгуливали собак. От ее дикого вопля с жалобным визгом кинулись в разные стороны овчарки, колли и прочие пудели. Наверное, наш смиренный дикий котик показался им персонажем из фильма собачьих ужасов, они, наверное, и сейчас вздрагивают во сне. Миновав какого-то застывшего с разинутым ртом собачника и испустив на прощание душераздирающий вопль, «киска» растворилась в джунглях вечернего города.

Нашла ли дорогу домой? Кто знает... Но я ее видел своими глазами. И тем горжусь.

2000 г.

